

РОССИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

И.Г. ЯКОВЕНКО

Эсхатологическая компонента российской ментальности

(Связи, обусловленности, логика актуализации)

В той или иной мере эсхатологизм присущ христианскому сознанию как таковому, а потому характеризует любое христианское по своему генезису общество. Расцвет эсхатологизма - примета средневековья, однако эсхатологическое мироощущение не снимается с наступлением Нового времени. Эсхатологическая компонента остается в ментальности утрачивающего традиционные религиозные основания секуляризуемого общества. Об эсхатологизме как устойчивой характеристике российского сознания сказано немало и в контексте осмысления русской революции, и в рамках религиозно-философских и культурологических исследований последних десятилетий.

Однако до сих пор проблема эсхатологизма российской ментальности раскрывалась на уровне общих констатирующих рассуждений. Представляется, что этот уровень исчерпан. Для того чтобы объяснить некоторый феномен, следует вписать его в более широкий контекст, где исследуемое предстанет как необходимость. Так, идея конца света вытекает с необходимостью из понимания мира в категориях "должного" и "сущего".

Антиномия сущего и должного

Должное - апофатизованный (лишенный конкретизирующих характеристик) универсальный идеал, описывающий совершенного человека и идеальное общество. В нем все прекрасно, за вычетом единственного обстоятельства: должное принципиально нереализуемо. Концепция должного возникла в результате раздела универсума на Свет и Тьму, абсолютное добро и абсолютное зло. Идея должного отрицает реального человека, в природе которого рядом с достоинством уживаются принципиально неустранимые недостатки, негативные моменты, пороки. Должное исходит из того, что человек по понятию изоморфен идеалу, но в силу приводящих обстоятельств (см. концепцию грехопадения) уклонился от него и от этого в мир пришли горести и печали.

Еще один элемент исследуемой оппозиции - сущее. В самом общем смысле сущее есть мир эмпирической реальности, в котором живет человек, исповедующий идеал должного. Поэтому сущее - поле эмпирической реальности, рассматриваемое через призму должного. Сущее также сложный смысловой субстрат. Идея сущего осваивается параллельно идее должного. Открыв для себя концепцию должного, человек осознает, что мир этому должному не соответствует, уклоняется от него. Отсюда фундаментальное статусное, ценностное и онтологическое различие должного и сущего. Должное - сакрально и благодатно. Сущее - профанно и безблагодатно. Должное - едино и онтологично, сущее - разрозненно и лишено собственной онтологии. Оно одухотворено и приобщено к бытию лишь должным, которое вливается в мир сущего. Для традиционного субъекта должное в

Яковенко Игорь Григорьевич - кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института национальных проблем образования Министерства образования РФ.

некотором высшем смысле более подлинно, нежели профанное сущее. В сущем традиционный субъект пребывает, к должному стремится. В мире сущего он в гостях, дом же его души в Небесном Иерусалиме, в мире должного.

Традиционный человек живет в координатах должного и сущего. Конструкт должное/сущее оказывается универсальным механизмом переживания, познания и оценки реальности. Отдельные фрагменты эмпирической реальности могут в той или иной мере не соответствовать должному ("уклоняться" от него). В некоторых ситуациях допускаются отступления от должного ("попущения" человеческим слабостям). К примеру, такие явления, как приусадебные участки, колхозный рынок, религия или тотализатор на ипподроме, мыслились в советском обществе как "попущения". Как те стороны жизни, которые будут сняты в точке пресуществления, когда коммунистическое будущее явит себя во всей полноте. Таким образом, конструкт должное/сущее выступает эпистемологическим кодом описания традиционной культуры [1].

Совместно с А. Пелипенко автором разработана теоретическая модель генезиса оппозиции должное/сущее [2]. Согласно этой модели, идеи должного и сущего возникают в определенную историческую эпоху в результате перекодировки базовых структур ментальности и формирования новой цивилизационной парадигмы. Для характеристики этой эпохи, охватывающей, по нашему мнению, период приблизительно с начала I тысячелетия до н.э. до VII века н.э. (с возникновения зороастризма до появления ислама), вводится понятие "манихейская революция". Разумеется, манихейство понимается здесь не в узко-историческом смысле, а как обозначение определенного типа мировоззрения.

В ту пору человек открывает ключевую истину - мир трагически несовершенен. Происходит глобализация вертикально ориентированных оппозиций, маркированных понятиями добра и зла. Мир как бы раскалывается надвое, превращаясь в арену борьбы Света и Тьмы. Это мировидение приходит на смену родовому космосу, организованному вокруг мифоритуальной системы. Здесь и формируется должное как коннотативное поле смыслов, связанных с идеей мироустроительного проекта, и сущее как номинация континуума эмпирической действительности, данной субъекту в ряду дискретных и фрагментарных состояний. В сознании людей закрепляется эсхатологический проект мгновенного пресуществления мира и скачка в трансцендентное должное.

В рамках предложенной концепции по-новому звучит проблема монотеизма. Он расматривается как внутренний момент становления манихейской цивилизационной системы, где полярно разведенные элементы глобальных оппозиций требовали имманентного снятия. Такое снятие отвечает фундаментальной экзистенциальной потребности человека в преодолении предельно выраженного дуализма бытия. Однако достигаемое в монотеизме (прежде всего в христианстве) доктринально декларированное "снятие" не является сущностным. Так, история христианства - это арена бесконечной борьбы с манихейскими идеями, снова и снова всплывающими в формах различных сект, ересей, народной религиозности, разных уклонов и течений.

Цивилизация должного/сущего переживает золотой век в эпоху средневековья и сходит на нет с его угасанием. Средневековье, т.е. теоцентристское общество, строится вокруг идеи должного. Размывание концепта должного/сущего разрушает средневековое сознание.

Возникновение эсхатологии

Как видно из изложенного выше, эсхатологический проект по мгновенному пресуществлению мира и скачку в трансцендентное должное возникает как завершающий элемент целостной системы мировоззрения. Осознание ключевой истины мир "трагически несовершенен" было огромным потрясением, запустившим движение историсофской и религиозной мысли. Из этого исключительно важного экзистенциально и нагруженного мощнейшими переживаниями открытия логически возможны два вывода. Один - мир несовершенен изначала и вовеки. Боги создали мир и забыли о его обитателях. Они злы, индифферентны к страданиям человека и т.д. Это чувство абсолютной безнадежности не имело шансов развернуться в массовую религиозную доктрину и осталось достоянием отдельных мыслителей и ересиархов; оно окрашивает в той или иной мере ряд маргинальных религиозных движений. Человеческая природа требует надежды и перспективы, хотя бы и самой отдаленной. Человек нуждается в убеждении относительно того, что Отец небесный знает о его страданиях, любит его и в конечном счете выведет людей к свету должного. По этому, второму пути пошло ставшее мировой религией христианство.

Эсхатология питается чувством "преходящести" бытия и вырастает из идеи возвращения в вечное, ибо должное онтологично и подлинно в некотором высшем смысле. Сущее же по своей природе преходяще. Оно торжествует временно в поле эмпирической реальности. Само торжество сущего есть испытание, ниспосланное человеку, испытание, заслуженное "по грехом нашим". Поэтому конечное торжество должного неизбежно. Чем более мир уклоняется от должного, тем сильнее эсхатологическое брожение, тем ближе начало эсхатологической истерии.

Эсхатологическая истерия - особое состояние традиционного общества, заданное резким всплеском эсхатологических переживаний. Идея того, что конец привычного уже "при дверях", что погрязший в пороках, нестерпимо уклонившийся от должного мир рухнет не сегодня-завтра, охватывает по временам традиционное общество. Оно пассионаризуется. энергия системы резко возрастает и начинает разрушать структурные связи, механизмы социального управления дестабилизируются. События, обозначаемые в исторической литературе как крестьянские войны, смуты, революционные ситуации и собственно революции, сплошь и рядом происходят на фоне разворачивания эсхатологической истерии.

Это эпохи массовых погромов, террора, экстенсивного движения пассионаризовавшейся культуры вширь. Особое значение имеет следующее обстоятельство - эсхатологическая истерия охватывает традиционное средневековое общество на сломе эпох, когда традиционный мир начинает рушиться, а на смену ему приходят новые отношения [3]. Заметим, что последний эпизод всплеска массовой эсхатологической истерии в СССР падает на памятные старшему поколению похороны И. Сталина. Вслед за этим событием начинается медленный, но неотвратимый процесс выхода российского общества из средневековья, разрушавший глубинные основания эсхатологического сознания. События августа 1991 года лишь оформили и закрепили политически угасание средневековой ментальности.

В своих глубинных основаниях эсхатологизм сознания связан с доминированием в рамках рассматриваемой нами (восточноевропейской) локальной цивилизации определенного механизма мышления. Речь идет о способе оперирования дуальными оппозициями, блокирующем медиацию и базирующемся на инверсии как базовом механизме формирования новых культурных смыслов. Истоки рассматриваемого типа сознания лежат в православной ментальности [4]. Самым сильным выражением тенденции к блокированию диалога и взаимопроникновению смыслов является образ, рожденный воображением Плотина ("О природе зла"). Согласно Плотину, Дьявол утаскивает душу, бросившую взор в преисподнюю, ухватившись за ее взгляд. Все, что противостоит "нам", - от Дьявола. Об этом нельзя не только спокойно размышлять, пытаться осознать или спорить. Даже взгляд брошенный в силу губительного любопытства на Врага, несет неминуемую гибель!

Блокирование диалога, мифология Вечного боя, презумпция трактовки противостоящего тебе (в войне, в полемике, в обыденном конфликте) как Врага с большой буквы, а Врага как оборотня тормозит любое взаимопроникновение смыслов, перекрывает возможности рождения третьего и ведет к вечному движению по кругу в рамках инверсионных перекодировок социального и культурного космоса. Доминирование инверсии относится к сущностным чертам российской цивилизации. С этих позиций эсхатологизм - атрибут инверсионного типа мышления.

Факторы, стимулирующие эсхатологическое сознание

К факторам, провоцирующим эсхатологические переживания, относится политика властных и идеологических институтов, задающая дистанцию между должным и сущим.

Рассогласование реальности и модели, воплощенной в концепции должного, неустрашимо. Из этого вытекает ряд социальных и психологических следствий. Специфический комплекс вины, переживаемый традиционным человеком в силу причастности к уклонению от невыполнимого должного, рождает возможность социального манипулирования. Властные и идеологические институты, возлагающие на себя функции формулирования и надзора за соблюдением должного, осознают потенции, порождаемые переживанием собственной греховности. Возникает социальный интерес в том, чтобы формулировки должного оказывались практически невыполнимыми, а агенты власти не подлежали суду подвластных с позиции должного. Агент власти обретает возможность извлекать разнообразные блага и преимущества (статусные, психологические, денежные) из факта несоответствия реальной социальной практики должному в пределах подведомственности.

В результате растет тревожность, чувство вины, повышается манипулируемость человека, общество инфантилизуется. Все эти следствия устраивают власть предержащих.

Однако чем шире дистанция между должным и сущим, тем невыносимее жизнь в таком мире. Чувство вины, скрытая тревожность, сознание невыносимого бремени несовпадения должного и реальности запускают эсхатологическую истерию. Традиционный мир заполняется "доподлинными" признаками конца света. Калики переходные пересказывают пугающие пророчества, людям являются чудесные знамения, в мире происходят невиданные события, юридические бормочут страшные и загадочные сентенции, которые истолковываются народным сознанием как свидетельства конца времен.

Заметим, что дистанция между должным и сущим несет в себе позитивный, мобилизующий и воспитательный потенциал. Веками он использовался для развития общества. С его помощью варвары и архаики вписывались в зрелое государство, приобщались к цивилизации. Однако этот потенциал может быть не только использован на благо общества как целого, но "приватизирован" правящим слоем. Сплошь и рядом штатные интерпретаторы должного и слуги государевы ставили его себе на службу. Проституция скандально нарушает патриархальное должное, но взятки и бесплатное "обслуживание" сотрудников правоприменяющих органов свидетельствуют не о борьбе с пороком, а о разложении государственных институтов.

Эсхатологическое сознание стимулирует неимманентное развитие, его навязанный темп. Начну с того, что всякое изменение устойчивого, сложившегося состояния, взятое на любом уровне - отдельного человека, группы, общества как целого, - стрессогенно. Особый, острейший дискомфорт связан с переживанием состояния качественных преобразований, т.е. изменений, требующих серьезных подвижек в структуре исторического субъекта, системе общественных отношений, в сфере психологии, ментальности.

История показывает, что человеческое сообщество никогда не меняется "от хорошей жизни". Перемены происходят под воздействием неумолимого исторического императива. Сплошь и рядом альтернатива изменениям - уход с исторической арены. Те сообщества, которые из двух стрессоров - гибели и самоизменения - выбирают развитие, сохраняются. Те же, что не обнаруживают способности к достаточным самоизменениям, отбраковываются историей. При всей своей неизбежности перемены остро дискомфортны и ложатся тяжелым бременем на человека. Причем для многих это бремя оказывается непереносимым. Особенно остро описанные коллизии переживаются в архаических и традиционных обществах.

В ситуации имманентного по преимуществу развития общества, когда оно изменяется под воздействием внутренних факторов, дискомфорт самоизменения существует, но находится на некотором приемлемом уровне. Гораздо выше дискомфорт в обществах догоняющих, развитие которых носит неимманентный характер. Здесь и культурные, и социальные, и психологические предпосылки изменений не созрели. А потому происходит постоянное, ежеминутное насилие над "природой" человека. Непреодолимые обстоятельства заставляют людей изменяться, насилуя себя, преодолевая собственную природу. В таких обществах политическая элита осознает необходимость перемен и тащит страну на дыбу самоизменения. Отсюда и высокий уровень насилия, и авторитарные политические режимы, и постоянное сопротивление традиционалистской массы, вырывающееся на поверхность в форме бунтов и деструктивных движений.

Итак, в обществах, прошедших рубеж манихейской революции и оказавшихся в ситуации неимманентного развития, эсхатологические настроения оказываются естественной реакцией на стресс навязанных изменений. Догоняющее развитие предполагает переживание истории, т.е. жизнь в рамках цивилизации и государства как жизнь внутри процесса бесконечного распада синкрезиса, а значит, как фундаментальное уклонение от должного.

Крах устойчивого мира, к которому традиционный субъект более или менее адаптирован, переживается как конец Вселенной и торжество хаоса, а значит, Нечистого. Анализ конкретного историко-культурного материала (и прошлого, и современного) показывает, что в адекватном сознании образ Лукавого тождествен исторической динамике и маркирует процессы распада синкрезиса. Градиент усложнения и динамизации - критерий, по которому идеологи традиционализма безошибочно узнают руку Царя Тьмы. В сознании традиционалиста должное равно изначальному синкрезису и покоится где-то в глубинах антропогенеза до всех разделений, до имущественного и социального неравенства, до слез и печалей.

Обратимся к источнику. Ссылаясь на Мефодия Патарского, И. Пересветов пишет о царстве царя Михаила, "...который начал давати людям богатство всякое и обогатяют вси людие. Тогда не будет ни татя, ни разбойника, ни резвоимца (ростовщика. - И.Я.), ни клеветника, ни завистника, ни чародея, ни скомороха; предстанет бо тогда всякое дело и

будет радость, и веселие, и тишина великая" [5, с. 147]. Как видим, воспринятая Шариковым идеология Клима Чугункина - принцип "взять и поделить" - имела весьма глубокие корни. За нею стоит определенное понимание природы человека и общества. Если все, созданное человеком, взять и поделить, история прекратит движение свое.

Рай мыслится как тотальная нерасчлененность, бытие вне времени и социальности, а история и цивилизация как торжество сущего. Эсхатология есть осмысление интенции к бегству из истории и государства, бегству из навязанных догоняющему традиционалистскому обществу неимманентных ему состояний. Эсхатология - идеология архаика и традиционалиста, распятого на дыбе исторической динамики¹.

Неприятие происходящего обостряется при переходах общества через стадиальные рубежи, когда изменение носит тотальный характер, переходах от раннего государства к зрелому, от жизни на периферии или в рамках догосударственной окраины к жизни в пределах регулярного государства. (Так, казачество восстает на всех этапах последовательного вписания его в систему Московского государства.) От крестьянского общества к урбанистическому, от бесписьменной фольклорной культуры к письменной. От одной идеологии к другой. Наконец, от конкретной идеологии к ситуации деидеологизации. Все эти ситуации осмысливаются в рамках эсхатологической парадигмы и провоцируют эсхатологические настроения.

С неимманентным развитием связан другой фактор, провоцирующий эсхатологизм сознания - периферийный статус российской цивилизации.

Деление цивилизаций на очаговые или первичные, возникшие впервые на "голом месте" (древнеегипетская), вторичные, возникшие на месте предшествующей цивилизации (античная), и периферийные, возникшие в результате "прогрева" территории, лежащей на периферии соседних цивилизаций (русская), предложено Ю. Кобищановым.

Главная особенность периферийной цивилизации состоит в том, что она развивается "на голом месте". В своем развитии периферийная цивилизация лишена опоры в предшествующем цикле. "Гумус" - наращиваемый веками культурный слой - минимизирован и качественно не соответствует задачам цивилизационного строительства, а использование его предельно интенсифицировано.

Здесь доминирует девственно архаическая ментальность, попавшая в стрессорную для себя ситуацию постоянного изменения. Нет предметного тела ушедшей цивилизации, нет стереотипов, воспоминаний и рефлексов, восходящих к предшествующему цивилизационному циклу. Выходцы из периферии усматривают в бытии вторичных цивилизаций некоторую усталость. Но неизмеримо важнее готовность человека к жизни внутри цивилизации, "пригнанность" этого человека к характеристикам пространства цивилизации, способность к существованию в ситуации исторической динамики.

Периферийная (как и очаговая) цивилизация предельно стрессогенна. Ей нестерпимо сложно и мучительно проходить впервые пути бытия-в-истории. Здесь рядом с моментами качественно новыми доживает глубочайшая, восходящая к неолиту архаика. По всему этому цивилизации периферийные, как и очаговые, подвержены периодически распадам, представляют собой благоприятное поле бытования ретроспективных утопий. В этой ситуации эсхатологизм оказывается структурой, оформляющей бегство от динамики, бегство от нестерпимо сложной жизни в цивилизации, надежду на то, что однажды испытание историей завершится и человек вернется в Рай бытия-вне-истории.

Эсхатологизм поддерживает мироотречная, гностическая компонента российской ментальности.

Мироотречная интенция в той или иной мере присуща христианству вообще. Сама по себе идея должного провоцирует гностические смыслы и положенности. Верность должному задает отторжение от мира и неприятие природы вещей, которая обеспечивает торжество сущего. Мир греховен, его природа порочна. Именно поэтому "правильный" средневековый человек живет здесь, но душой устремлен к миру иному.

В православии мироотречная интенция представлена существенно сильнее, чем в католицизме. В зрелом протестантизме мироотречная линия практически снимается. В русской ментальности гностическая нота звучит особенно сильно. Мир вообще есть зло и конец его есть избавление от зла, конец страданий и трагической раздвоенности. Одним словом, большое избавление. Плотское греховно. Здесь мы приходим к гностическим истокам

¹ Наиболее ранние свидетельства этих настроений содержатся в апокрифической литературе - "Голубиной книге", "Беседе трех святителей", "Слове Мефодия Патарского", "Как Христос плугом ора!" и др. Подробнее см. [6].

и сюжетам российской ментальности, к противопоставлению духа и плоти. Эта устойчивая и значимая компонента ментальности принимает самые разные формы и очертания.

Оговорюсь, речь идет о смыслах и положенностях, не оформленных доктринально, ибо, будучи осознанной и сформулированной, гностическая идея вступает в конфликт с системой декларируемых представлений. И это противоречие - одна из граней раскола русского сознания. Однако в снятом виде, в частных следствиях, в конкретных идеях и положенностях гностицизм пронизывает русскую ментальность.

Зададимся вопросом: как советская идеология ассимилировалась традиционным сознанием? Где лежат ценностные и логические мостики, позволявшие людям освоить и принять советские установки? К примеру, в идеологической картине классического периода советского общества (30-50-е годы) такие реалии, как дача, любая собственность сверх предметов обихода, отдельная квартира, носили негативный характер, рассматривались как поущение и требовали оправдания. В публицистическом жаргоне советской эпохи бытовали ругательства - "вещизм" и "потребительство". Что помимо конформизма двигало людей к искреннему принятию подобных установок, казалось бы, противоречащих человеческой природе?

Дело в том, что удобный и обустроенный быт свидетельствует о движении человека в мир, движении прочь от эсхатологического идеала. Эсхатология же - движение от этого мира. Мирское равно мещанскому, а мещанство — самое страшное ругательство в устах российского интеллигента. Погруженность в мир сама по себе греховна и профанна. "Духовность" же, стремление "выпрыгнуть" из мира - возвышенна и сакральна. Знаменитая непрактичность шестидесятника, его презрение к деньгам и социальным реалиям формировали тип личности, способный успешно ориентироваться в сфере возвышенных, духовных интересов, но беспомощной в мире реальном. Лозунг "Человек должен быть выше сытости" (Л. Толстой) - в своих основаниях гностический, вырастающий из презрения к плоти.

Репрессивность традиционной русской культуры, высокий статус монашеского, аскетического идеала (до которого простой смертный, разумеется, не дотягивает, но в идеальном плане стремится или по крайней мере утверждает, что стремится) в своих основаниях также пронизаны гностическими смыслами.

Обратим внимание на приверженность шестидесятника к чистому идеалу на фоне отрицания всякой практики ("сволочной действительности") как стихии, трансформирующей, размывающей и травестирующей идеал. Суть этой системы воззрений состоит в том, что дух, идея, должное прекрасны сами по себе, в чистом виде. Однако высокому должному противостоит необоримая сила природы "мира сего". Поэтому, облекаясь во плоть, идеи должного фатально извращаются, превращаются в свою противоположность, омертвляются. Главное, что в этом извращенном виде изуродованная идея предстает перед недалекими и пришедшими позже людьми в качестве собственного должного. Так происходит страшная подмена, извращение высокого идеала в глазах профанов. Отсюда шестидесятническая мифология революции:

Я все равно паду на той. На той
единственной гражданской, И
комиссары в пыльных шлемах
Склонятся молча надо мной.

Б. Окуджава

Революция понимается как замечательное время, когда должное не успело пройти цикл своего отрицания. Время, когда (за вычетом неизбежных шкурников и примазавшихся) масса идеалистов хранила верность чистому, незамутненному должному, боролась и умирала во имя его. Однако далее, после полной победы должное вступает в неизбежный цикл перерождения, связанный с массовым овеществлением идеи. Из этих представлений вырастает главная, знаковая для поколения антигиза: хороший Ленин/плохой Сталин.

Преодолеть непреодолимую плоть можно лишь в эсхатологической перспективе. Сломать необоримую силу вещей может преобразование, перерождение самого бытия и изменение природы. К сожалению, эсхатологические упования не сбылись и коммунизм не наступил. Поэтому реальность, окружающая шестидесятника, омерзительна. Но эта реальность не заслоняет главного и не в силах поколебать априорную интеллигентскую верность должному.

Шестидесятник живет в ощущении того, что если всю жизнь стремиться к чуду, жертвовать собой и совершать подвиги - однажды неожиданно для тебя оно произойдет.

Популярные в ту пору стихи "Сезам, ну откройся, Сезам" не случайны. Если люди из поколения в поколение будут стремиться к должному, страдать и умирать во имя него, то рано или поздно мечты и жертвы поколений откроют волшебные врата. Перед нами чистой воды эсхатологическое сознание эпохи спада и изживания эсхатологического видения мира. Это мироощущение уже надрывно. Временами человека охватывают сомнения. Но открестившись от наваждения, российский интеллигент советской чеканки снова припадает к великому должному. Несмотря ни на что и вопреки всему. Шестидесятник верен романтикам, дон-кихотам и готов встать в один ряд с очередными идеалистами. В этом - проявление его символа веры. В отличие от недалекого традиционалиста шестидесятник осознает, или признает, или допускает невоплотимость должного. По крайней мере сейчас или в обозримой перспективе. Однако отказ от должного немислим и невозможен.

В подобной системе представлений Сталин плох не тем, что он злодей, но тем, что не умер вовремя, как Я. Свердлов или Н. Бауман. Воплощая должное, последовательный человек обречен пройти весь путь его перерождения в сатанинскую пародию. Однако само должное здесь не причем, вина лежит на природе вещей. И, далее, мир, превратившийся в пародию на должное, неизмеримо лучше, чище, прекраснее мира, прошедшего мимо должного. Ибо в этой пародии хотя бы в облачении лжи и мертвых ритуалов живут священные формулы, и в ней - залог их воскресения и конечной победы в эсхатологической перспективе. Рано или поздно, вопреки всему.

Описываемая нами антитеза высокого идеалиста, не затронутого (или минимально затронутого) сущим и "вовремя" погибшего, погрязшему в сущем практику, прошедшему весь путь перерождения в свою противоположность, не исчерпывается знаковыми фигурами и носит универсальный характер. Социолог Б. Славный [7] делает тонкое наблюдение: погибший в 19 лет отец героя культового для 60-х годов фильма "Застава Ильича" нравственно выше (как не прикоснувшийся к бытию и ушедший из мира, сохранив себя в чистоте) собственного сына, который не только старше отца, но живет в мирное, не жертвенное время, когда соблазны окутывают и поглощают человека.

Здесь мы сталкиваемся с мощной, но не отрефлексированной, более того, табуированной для осознания традицией, имеющей массу проявлений во все времена и в разных срезах культурного универсума. Достаточно вспомнить о том, что среди апокрифов, имевших устойчивое хождение на Руси, - народные сказания о творении мира Богом и Дьяволом совместно ("Свиток божественных книг" или "Сказание о Тивериадском море"). Истоки гностической компоненты российской ментальности - большая и специальная тема. В двух словах - это и особая ментальность лимитрофа или порубежья, для которой отторжение мира оказывается естественной реакцией, и наследуемые восточными славянами элементы иранского культурного космоса, в котором живут манихейские и гностические идеи, и продуцирующая дискомфорт ситуация неимманентного развития, и принесенная из Византии гностическая интенция ортодоксального христианства. Мироотвержение и вырастающая из него позиция "неучастия во зле" жизни постоянно продуцируют эсхатологические настроения. Ибо смысл конца времен в гибели этого мира и пресуществлении Вселенной в соответствии с чаемым должным.

Контурсы Апокалипсиса. Культурные смыслы и положенности

Несмотря на существование достаточно мощной традиции, представленной и в канонической и апокрифической литературе, конкретность Апокалипсиса слабо очерчена. Да она и не может быть описана. Конец времен, как и все глубоко сакральное, апофатичен. Апокалипсис - тайна Господня. Описания, которые встречаются в источниках, касаются скорее преддверия Апокалипсиса, предшествующих ему событий: язык этих описаний - метафора. Ядро Апокалипсиса - преображение мира, неизреченная тайна, ужасная и прекрасная. Предшествующие тому события - пришествие Лжемессии, битвы, казни и суд - лишь необходимое условие свершения главного. Верующий человек исходит из того, что христианская душа почувствует приближение Страшного Суда над погрязшим в грехе миром. Поэтому личные свидетельства и убеждения, черпаемые из глубины человеческой экзистенции, оказываются в подобных дискуссиях решающими.

Отношение к Апокалипсису характеризуется предельной силой переживания и столь же предельно выраженной амбивалентностью. С одной стороны, конец времен невыносимо страшен. Желание отодвинуть его органично и естественно. Конституирующая православную империю концепция Хранителя ("удерживающего") строится на стремлении отдалить конец Вселенной. С другой стороны, жизнь в невыносимо уклонившемся от

Инверсия сознания, вызвавшая распад советского целого, подводит нас к завершающему исследовательскому сюжету. Мы стали свидетелями интереснейшего феномена. Обнаружилось, что выход общества из космоса должного, а значит, и снятие эсхатологического сознания несет на себе черты инверсионного перехода. Иными словами, переход к новому качеству осуществляется в рамках устойчивой и изживаемой в данный момент модели мышления.

Вспомним общественные настроения эпохи перестройки. На наших глазах происходила мифологизация рынка, правовой демократии и вообще всех утверждавшихся ценностей. Они переживались не рационально, но религиозно. Будущее мыслилось как преобразование, которое не только снимет все связанное с советской властью, то что давно стало нетерпимым, но чудесным образом решит все проблемы, накопившиеся за 70 (если бы только за 70!) лет. Когда скептики вопрошали: почему перейдя к рынку и демократии советское общество попадет в "первый", а не в "третий" мир, который неизмеримо больше, - им не внимали. Отталкивающееся от старого общество было полно чисто религиозной веры в преобразование новообретенными западными ценностями.

Как и всегда, преобразования не случилось. Последняя инверсия и всплеск эсхатологических переживаний сопровождали вхождение общества в реальность, окончательно размывающую основания такого сознания. Качественные характеристики жизни, утвердившейся после 1991 года, не оставляют места средневековому восприятию мира.

Попав в новый, неожиданный для себя мир, решая задачу вписания в него, широкие массы традиционно мыслящих люди, сами того не замечая, утрачивают основания эсхатологического мировидения. Эсхатологизм как способ переживания и понимания мира стремительно маргинализуется. Характерно, что эсхатологические смыслы усиленно культивируются идеологами склепывающейся на глазах крайней оппозиции. В этом отношении показателен дискурс газеты "Завтра", отрабатывающий темы Конца света, Последней битвы, актуального торжества и близящейся гибели богомерзких слуг Тьмы. Однако надрывающийся набатный колокол "духовной оппозиции" день ото дня собирает одних и тех же людей. По-видимому, инверсия отхода от должного оказывается последней большой инверсией.

Эсхатологизм - устойчивый, но не вечный атрибут российской ментальности. Эсхатологическое сознание угасает вместе с размыванием концепта должное/сущее. Секуляризация мира и деструкция должного переводят эсхатологическую идею в ранг сказки, идеи все еще родной и милой, к которой время от времени обращается память, но уже не серьезной, в которую играют, но не верят. Точно так же, превращаясь в сказку, умирает миф. Дежурные страшилки скорого конца света превратились в рутинный фон массовой культуры. Газеты печатают очередные предсказания. Маги, ересиархи, толкователи "Книги перемен" или катренов Нострадамуса объявляют о конце света в ближайшие месяцы, некоторые дамы их читают и пересказывают, но никто не верит в них всерьез. Напряженное эсхатологическое сознание неотвратимо превращается в достояние истории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Яковенко И.Г.* Небесный Иерусалим или Российская Империя: диалектика должного и сущего. Цикл статей // Рубежи. 1997. №№ 5-9.
2. *Пелипенко А.А., Яковенко И.Г.* "Манихейская революция" в системе становления личности (паллиат как социокультурный феномен процесса) // Мир психологии. 1999. № 2.
3. *Яковенко И.Г.* Культурные аспекты механизмов и социально-психологические источники массового террора // Мир психологии. 1998. № 3.
4. *Пелипенко А.А., Яковенко И.Г.* Культура как система. М., 1998.
5. Сочинения Пересветова. М.-Л., 1956.
6. *Ярцимирский А.И.* Библиографический обзор апокрифов в южнославянской и русской письменности. Пг., 1921.
7. *Славный Б.* Россия, конец века: почему не ладится у нас с демократией // Рубежи. 1996. № 4.
8. *Клибанов А.И.* Духовная культура средневековой Руси. М., 1994. С. 237.
9. *Проханов А.* Сталин грядет // Завтра. 1997. № 50.
10. *Юрганов А.Л.* Категории русской средневековой культуры. М., 1998.